

“Зелёный курс” в видении Драги

В 2015 году Европейский союз принял стратегию, призванную сдвинуть с мёртвой точки экономику континента, страдающую от последствий мировых кризисов – финансового и долгового. ЕЦБ под председательством Марио Драги пересёк Рубикон в январе того же года, запустив первую европейскую программу количественного смягчения, связанную с монетарным стимулированием экономики и снижением процентных ставок. В США Федеральная резервная система Бена Бернанке взялась за это уже с конца 2008 года.

В то же время Европейский совет воспользовался возможностью, предоставленной 21-й Конференцией ООН по вопросам изменения климата, и возглавил борьбу за «спасение планеты» от последствий климатических изменений. Речь шла о том, чтобы открыть новый цикл промышленных и инфраструктурных инвестиций в Европе, закрыть главу жёсткой экономии и начать навёрстывать отставание от американской экономики, которая росла вдвое быстрее, чем европейская. В декабре 2015 года было достигнуто Парижское соглашение, объединившее участников 177 стран с целью мобилизации крупных объёмов капитала для строительства “зелёной экономики”. Пекин прекрасно понял природу климатического сражения и в мае 2015 года запустил десятилетний план технологической модернизации своей промышленности “*Made in China 2025*”.

План повышения конкурентоспособности Европы

Почти десять лет спустя, когда Брюссель сталкивается с противоречивыми бюджетами на осуществление “Зелёного курса” и обвиняется в установлении непродуманных сроков и недооценке промышленных и социальных издержек, по просьбе Урсулы фон дер Ляйен Драги представляет детальный доклад – план промышленной политики, призванный спасти «будущее европейской конкурентоспособности». Реализация промышленной политики, которую Драги предпочитает называть «промышленной стратегией», осложняется эрозией “зелёного” консенсуса, охлаждённого пандемией и возросшими тратами на войну, развязанную Россией у порога Европы.

Европа предстаёт в анализе Драги лишённой основного источника энергии – российского газа, и имеющей также и другие слабости: более низкую концентрацию капитала по сравнению с Соединёнными Штатами, более слабые исследования и инновации, следовательно, более медленный рост производительности, недостаток природных ресурсов, незрелые рынки капитала, 27 фискальных политик, отсутствие координации в реструктуризации, неэффективные процессы принятия решений после расширения ЕС, неспособность использовать континентальный масштаб, отсутствие связующего звена в виде общего долга на Европейском едином рынке, сильная зависимость от мирового энергетического рынка и рынка цифровых технологий, отсутствие интеграции и эффекта масштаба в оборонной промышленности. Война превратила двойной переход в тройной – энергетический, цифровой и военный – и подтолкнула ЕС к мобилизации европейского частного и государственного капитала, чтобы выдержать конкуренции двух крупных и воинственных империалистических соперников.

Драги анализирует все эти факторы, ставящие Европу в невыгодные условия, но основную озабоченность бывшего главы ЕЦБ, о чём он постоянно говорит уже более десяти лет, вызывает неполный союз 27 суверенных государств, незавершённые единый рынок и банковский союз, а также совранистская близорукость. И это несмотря на утверждение единой валюты, которая остаётся для Драги символом политической воли и потенциала континента.

Декарбонизация с препятствиями

Сосредоточимся на некоторых аспектах электрического перехода, которые занимают центральное место в докладе Драги. Обязательная отправная точка – разница в ценах на энергоносители. Сегодня ЕС преодолел чрезвычайную ситуацию, связанную с коллапсом российских поставок, но цены на газ в Европе по-прежнему в 4–5 раз выше, чем в США. Розничные цены на электроэнергию в 2–3 раза выше, чем цены в США и Китае. Тяжёлым бременем является не только отсутствие европейских источников энергии, но и

неоднородность национального регулирования: в острой фазе кризиса разрыв в ценах на электроэнергию между государствами союза колебался от более чем 250 евро до практически 100 за мегаватт-час.

Решающим испытанием для европейского перехода Драги называет *декарбонизацию*, поскольку она может иметь два противоположных результата. Декарбонизация производства, транспорта и всех видов деятельности будет играть роль катализатора для инноваций только при условии *«совмещённого плана по декарбонизации и конкурентоспособности»*. Без этой координации *«существует риск того, что декарбонизация будет противоречить конкурентоспособности и экономическому росту»*. В *«глобальном импульсе»* против выбросов углерода ЕС занимает лидирующие позиции в таких секторах, как производство ветряных турбин, электролизёров и низкоуглеродного топлива; 22 % валового конечного потребления энергии в ЕС обеспечивается возобновляемыми источниками энергии, в то время как в Китае эта доля составляет 14 %, а в США – 9 %. К 2030 году ЕС хочет достичь 42 %.

Процесс будет непростым. Во-первых, снижение стоимости экологически чистой энергии не дойдёт сразу же до потребителей, поскольку решающее значение в формировании цен, по крайней мере до конца десятилетия, будет иметь ископаемое топливо. Можно сделать вывод, что сектор возобновляемых источников энергии выиграет от дифференциации доходов, которая увеличит норму чистой прибыли, а конечные цены будут соответствовать ценам на природный газ.

Во-вторых, по данным Европейского инвестиционного банка, высокие затраты на электроэнергию представляют собой серьёзное препятствие для инвестиций и, следовательно, роста производительности для половины европейских компаний; в США таких фирм только 20 %.

В-третьих, декарбонизация стоит денег, особенно в Европе, которая является единственной страной, на законодательном уровне установившей обязательства по сокращению выбросов парниковых газов как минимум на 55 % к 2030 году по сравнению с уровнем 1990 года и поставившей перед собой необязательную цель по сокращению выбросов к 2030 году на 50 % по сравнению с 2005 годом. Китай хочет достичь пика выбросов CO₂ к концу десятилетия. Эти различия приводят к *«огромным краткосрочным инвестиционным потребностям»* компаний ЕС. По оценкам, декарбонизация обойдётся четырём наиболее энергоёмким секторам (химическая промышленность, производство цветных металлов, неметаллические полезные ископаемые, бумага) в 500 млрд евро в течение следующих 15 лет.

В-четвёртых, Драги осуждает *«асимметричную декарбонизацию»*, то есть тот факт, что ЕС, в отличие от Китая и США, не предоставил своим компаниям адекватной поддержки для реализации принятых климатических мер. Наиболее важным аспектом является то, что ЕС в автомобильном секторе *«применяет климатическую политику без промышленной»*, и здесь проблема не только в недостаточных стимулах, но и в существенной задержке с установкой зарядных станций.

Стратегическая развилка

В-пятых, всё более острой становится конкуренция со стороны Пекина. По данным ЕЦБ, Китай сейчас напрямую конкурирует с экспортёрами еврозоны в 40 % секторов, тогда как в 2002 году таких секторов было 25 %. Пекин реализует *«мощное сочетание промышленной политики и массивных субсидий, быстрых инноваций, контроля над сырьём и способности производить продукцию в континентальном масштабе»*. Промышленная политика США и Китая, по мнению Драги, представляет собой *«мультиполитическую стратегию»*, в которой переплетаются внутренние стимулы, торговая политика борьбы с конкурентами и политика защиты цепочек поставок. Брюсселю будет трудно реализовать подобную стратегию, так как она потребует *«высокой степени координации между национальными политиками и политикой ЕС [...] из-за его сложной структуры управления и медленного и дезагрегированного процесса разработки политики»*.

Европа, которая взяла на себя ещё одно обязательство, приняв закон о прекращении использования двигателей внутреннего сгорания для новых легковых и коммерческих автомобилей с 2035 года, оказалась на распутье. С одной стороны, она могла бы

воспользоваться более низкими ценами китайской продукции, а также перепроизводством в Китае солнечной энергии, аккумуляторов и электромобилей: *«Увеличение зависимости от Китая может предложить самый дешёвый и наиболее эффективный путь к достижению наших целей по декарбонизации»*. С другой стороны, она должна учитывать, что *«китайская государственная конкуренция также представляет угрозу для наших чистых технологий и автомобильной промышленности»*. *«ЕС стоит перед возможным компромиссом»*, – говорит Драги. Чтобы декарбонизация стала двигателем роста, *«нам понадобится совместный план, охватывающий как отрасли, производящие энергию, так и те, которые способствуют декарбонизации, такие как экологически чистые технологии и автомобильная промышленность»*. Такой план *«может включать в определённых обстоятельствах оборонительные торговые меры [...] в соответствии с новой стратегией экономической безопасности ЕС»*.

Драги знает, что как в торговле, так и на войне оборонительные меры могут трансформироваться в наступательные, и пытается уберечь Европу от протекционизма и от *«подражания подходу США, [которые] систематически исключают китайские технологии»*. *«Чтобы избежать ловушек протекционизма [...] защитные меры не должны применяться систематически. Они должны отличать подлинные инновации и улучшения, которые выгодны Европе, от конкуренции, поддерживаемой государством. [...] Пошлины не должны создавать порочные стимулы»*.

Драги предлагает применить эти принципы в своей *«смешанной стратегии»*. Там, где Европа сильно отстаёт от конкурентов, имеет смысл импортировать необходимые технологии, диверсифицируя поставщиков. В том случае, если ЕС не доверяет какой-либо стране, но принимает её технологическую продукцию, необходимо поощрять прямые инвестиции в Европу, сочетая это с пошлинами на импорт самих продуктов, как уже происходит с различными автомобильными брендами. Там, где существует стратегический интерес в гарантировании ноу-хау европейским компаниям, необходимо привлекать новые инвестиции, используя местные стимулы и продвигая европейский технологический суверенитет через совместные предприятия. Полная защита должна быть предложена лишь *«зарождающимся секторам»*.

Гигантские планы Маршалла

Доклад Драги призывает к дополнительным инвестициям на весь переходный период в размере около 800 млрд евро в год, чтобы поднять долю инвестиций в ВВП ЕС с 22 до 27 %. Это цена, которую ЕС должен заплатить при столкновении с *«экзистенциальным вызовом»*. Эти данные были предоставлены Еврокомиссией: в феврале прошлого года Кристин Лагард привела разбивку: 620 млрд евро на «зелёный» переход, 125 млрд евро на цифровой переход, 75 млрд евро на перевооружение (последняя цифра получена из расчёта 2 % ВВП, согласно требованию НАТО).

В день презентации доклада Драги немецкая ассоциация промышленников BDI представила своё исследование о состоянии промышленности Германии, которое в целом следовало канве доклада Драги, но добавляло важные акценты. Во-первых, высказывались сожаления о структурных потерях немецкой промышленности: *«Covid и энергетический кризис привели к коллапсу промышленного производства, особенно в высокоэнергетических секторах [...], в то время как уже наблюдалась продолжающаяся стагнация инвестиций»*. В докладе говорится, что *«Германия должна заново изобрести себя как индустриальная нация. [...] Ей требуется программа промышленной политики и самые крупные усилия по трансформации со времён послевоенного периода»*. Эти усилия требуют *«огромной инфраструктурной программы»* для электрического перехода, инвестиций во *«все варианты декарбонизации»*, *«глобального наступления цифровизации»*, решительного прекращения *«чрезмерного регулирования Европейского союза»*. BDI призывает к инвестициям в размере 1,4 трлн евро к 2030 году, то есть в среднем 230 млрд евро в год, или чуть менее 30 % от суммы, представленной в законопроекте Драги.

BDI демонстрирует более эгалитарный подход, требуя, чтобы правительство обеспечило 1/3 ожидаемых инвестиций, в то время как Драги предлагает государствам взять на себя 1/5 часть общего бремени, а на частный капитал оставляет 4/5. Но чтобы заставить частных лиц инвестировать 4 % ВВП, Драги требует снижения процентных ставок на 250 базисных

пунктов. Два единогласно принятых снижения ставок ЕЦБ в июне и сентябре, вероятно, уже отражают этот импульс, а также открывают путь для снижения ставок ФРС. Возможно, это первый кредит доверия докладу среди широко распространённого скептицизма.

Сентябрь 2024 г.